

великодушное обхождение со стороны наших офицеров, в отношении к неприятельским военно-пленным¹. Я сообщая тебе об этом потому, что, в настоящее время, это должно быть для тебя самым интересным предметом. Решение его светлости генерал-фельдмаршала заключается в том, что он не может принять никакого предварительного условия; но он полагает, что, обхождением своим с нами, приобрел доверие гарнизона». Вследствие этого убедительного ответа, крепость Арад 5-го августа сдана безусловно нашим войскам.

С этого времени венгерская война полагается оконченною. Дальнейшим делом нашим было принимать и обезоруживать добровольно приходившие к нам из Трансильвании и из других мест отряды венгерских войск. Обезоружив, мы отправляли их в учрежденный общий бивуак, при местечке Саркад², где наконец и передали их австрийским войскам³.

И. Дроздов

Опубликовано: Военный сборник. – 1870. – № 9. – С. 133-138.

Рита Кишине Будаи

«ХУДОЖНИК ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА». МИХАЙ (МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ) ЗИЧИ (1827 – 1906). СУДЬБА ВЕНГЕРСКОГО ХУДОЖНИКА В РОССИИ

Венгерский художник Михай Зичи (1827 – 1906) попал в Россию по прихоти судьбы 20-летним юношей, но из 60 лет своей последующей жизни (весьма плодотворной в творческом отношении) провел здесь более пятидесяти. Эти полвека не были для него безоблачными, но после неоднократных попыток поискать удачи в другом месте и даже обосноваться на родине, он все равно возвращался в Россию. Скончался Зичи в Петербурге, однако похоронен был в Будапеште. Что привело молодого художника в Россию, каким уровнем профессионального мастерства обладал он к моменту приезда и как складывалась его творческая судьба вдали от родины, каковы были его позиции при царском дворе и какие творческие задачи ставили перед ним 4 российских монарха, которым он верно служил в качестве придворного художника, каковы были связи Зичи с современной ему русской (а также, в силу стечения жизненных обстоятельств, и грузинской) культурой? Ответы на все эти вопросы мы пытаемся найти в своем исследовании.

Начало пути

Михай Зичи родился в 1827 г. в среднепоместной дворянской семье. Род его был знатным, восходил своими историческими корнями к XIII в., одна из ветвей этого рода (впрочем, не та, к которой принадлежал художник) за верную службу Габсбургам получила в XVIII в. графский титул. Как бы то ни было, семейство Зичи относилось к середине XIX в. к числу обедневших дворянских семейств. Родовое имение Зичи находилось к югу от Балатона, в комитате Шомодь. В сохранившемся по сегодняшний день родительском доме, где одно время располагалась и мастерская художника, сегодня находится его музей 4.

Зичи рано потерял отца. Вдова-мать (как это было принято в среде венгерского среднепоместного дворянства) заботилась о том, чтобы оба сына получили в первую очередь юридическое образование – это дало бы им возможность сделать карьеру на административной службе. Брат Михая Антал не только стал видным политиком, но даже был избран в Академию наук. Михай тоже учился на юриста, но его с юных лет куда сильнее тянуло к искусству, нежели к юриспруденции. В 15 лет вопреки возражениям матери он записывается в Пеште⁵ в частную художественную школу довольно видного в то время в Венгрии художника итальянского происхождения Якоба Марастони. В 1844 г. по настоянию матери М. Зичи все же поступил на юридический факультет Венского университета, но увлечение искусством снова перевесило. Молодой венгр берет уроки у академика живописи Фердинанда Георга Вальдмюллера (1793 – 1865),

¹ «Об овациях, оказанных нашими офицерами Гёргею, по окончании кампании [...] было заявлено в Варшаве фельдмаршалу [Паскевичу], и нашим офицерам за бестактный энтузиазм в отношении Гёргея, по этому заявлению, объявлена была, как говорили, неприятная благодарность от начальства» (Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 530).

² венг.: Шаркад.

³ 23 августа по новому стилю.

⁴ Музей Зичи в селе Зала был открыт в 1979 г. В 1992 г. экспозиция была реорганизована и обновлена. Большую роль в создании музея сыграл правнук художника видный общественный деятель Иштван Чичери-Ронаи. Точный адрес музея: Zichy Múzeum, 8660 Zala, Zichy M. utca 20.

⁵ Буда, Пешт и Обуда слились в единый город Будапешт в 1873 г. (Прим. переводчика).

человека довольно передовых для Вены того времени художественных принципов, который сразу обратил внимание на незаурядные способности юноши. Уже в 1845 г. Зичи не только ассистирует Вальдмюллеру в создании ряда работ, но и с успехом выставляет свои произведения. А через год венский академик взял его с собой в творческую поездку по Италии.

В феврале 1847 г. в Вену прибыл с супругой и младшей дочерью (вскоре после горькой утраты – в 1845 и 1846 гг. – двух старших дочерей) великий князь Михаил Павлович, младший брат императора Николая I. 20-летняя великая княжна Екатерина Михайловна Романова (1827–1894) увлекалась искусством и Вальдмюллер был приглашен дать ей уроки рисунка. Вначале предполагалось, что пожилой венский маэстро совершит летнюю поездку в Россию, однако Вальдмюллер предложил великокняжеской чете вместо себя молодого ученика-венгра. Так Зичи оказался в свите путешествовавшей по Европе семьи Михаила Павловича, побывал с ней в Берлине, Ницце. Между великой княжной Екатериной и красивым венгерским дворянином, учителем рисования (они были ровесниками) быстро вспыхнула искра взаимного увлечения, что трудно было скрыть от посторонних глаз. Естественно, что в придворных кругах реагировали на это с немалым раздражением – слишком велик был мезальянс.

Первый Санкт-петербургский период (1848 – 1874)

Как бы то ни было, великая княжна Екатерина настояла на том, чтобы молодой учитель рисования приехал с семьей в Петербург зимой 1847/1848 г. Так Зичи оказался в чужой незнакомой стране с иной культурой. Независимо от его отношений с царской племянницей предложение было весьма заманчивым и с материальной точки зрения: большое жалование позволяло расплатиться с долгами, которые молодой художник нажил за месяцы учебы в Вене. Помимо этого Зичи теперь мог наконец доказать своей строгой матери, что избрав стезю профессионального художника, тоже можно достичь высокого общественного положения. Правда, в творческом отношении многие заказы, полученные молодым художником (например, поручения сделать зарисовки любимых комнатных собачек августейших дам), не представляли для него никакого интереса.

Вскоре после прибытия в Петербург Зичи был представлен самому императору и эта встреча дала пищу распространенному анекдоту, в котором трудно отделить правду от вымысла¹. На дворе был 1848 г. К этому времени в Венгрии (и шире – в монархии Габсбургов) вспыхнула революция, для спасения венского императорского дома выступила 200-тысячная русская армия. В эти же месяцы при знакомстве с Николаем I, молодой венгр вместо ожидавшегося от него осуждения мятежников, не дав оснований упрекнуть себя в невежливости, вместе с тем совершенно не считал нужным скрывать глубокий венгерский патриотизм и тревогу за судьбу своего отечества. Правда, в последовавшем вскоре удалении Зичи от царского двора сыграл главную роль не столько этот эпизод, сколько другие обстоятельства. В сентябре 1849 г., через месяц после подавления венгерской революции, скончался великий князь Михаил Павлович, в определенной мере покровительствовавший 22-летнему художнику и глядевший сквозь пальцы на отношения с ним любимой дочери. Терпеть продолжавшийся роман царской племянницы с бедным венгерским дворянином при дворе больше не могли.

Оказавшийся без императорского жалования молодой живописец, пока еще не известный в российской художественной среде, остался в Петербурге, начав тяжелым трудом зарабатывать себе на хлеб. Вместе с тем этот период пребывания Зичи в России был весьма плодотворным в творческом отношении, ведь он теперь куда чаще, чем в бытность придворным художником (и даже позже, став именованным живописцем и графиком), брался за кисть, движимый не узким заказом, а настоящим творческим побуждением. Именно в этот период устанавливаются и тесные связи Зичи с русской культурой и российским профессиональным художественным сообществом, что во многом определило всю его последующую жизнь.

Вначале в полном одиночестве, обремененный долгами, он снимал комнату в невзрачном петербургском доме, в комнате с окном, выходящим во двор-колодец. В ту суровую петербургскую зиму молодого художника, остро нуждавшегося в деньгах, преследовали болезни. Он не прочь был бы вернуться в Вену, но ни возможности, ни средств для этого не было. После нескольких горьких месяцев в начале 1850 г. Зичи нашел себе работу в фотосалоне братьев Веннингеров, где ретушировал дагерротипы, и только этим зарабатывал себе на жизнь. Работа была совсем не творческой и вызывала скуку, однако и в этой непростой ситуации Зичи сумел использовать преимущества своего нового положения. Он познакомился, в частности, с некоторыми аристократами, посещавшими салон и даже получил от них ряд заказов на изготовление портретов и миниатюр. Весной 1850 г. дела пошли в гору и это позволило в том же году обзавестись семьей. Спутницей жизни стала привлекательная и добрая девушка Александра Ершова из купеческой семьи. Бескорыстно ухаживая за Михаилом во время болезни, она по-настоящему привязалась к нему. Зичи довольно долго скрывал от нее свое дворянское происхождение, но еще больше проблем доставляло различие вер. Живя в России, Зичи оставался всю жизнь католиком, категорически отказавшись принять православие. Брак долгое время был гражданским, в конце концов они венчались по католическому обряду, но по тогдашним российским законам брак был недействительным (жена католического тоже не приняла). Детей крестили в католическом соборе, но они были оформлены как внебрачные. Все это впоследствии принесло немало головных болей супружеской паре и их детям – Ольге, Софье, Марии и Николаю.

¹ Сам Зичи упоминает эту историю в письме от 17 октября 1897 г. См.: *Magyar Országos Levéltár (Венгерский государственный архив). Ernst hagyatéka. № 183-184.*

В начале 1850-х годов Зичи активно писал портреты аристократов в технике акварели, но в 1852 г. получил заказ на ряд картин религиозного содержания, к сожалению не сохранившихся. По заказу была написана серия портретов офицеров, им был выполнен также ряд портретов-миниатюр в рамке из слоновой кости. В свое удовольствие, по вдохновению Зичи писал картинку из повседневной уличной, городской жизни, бытовые юмористические зарисовки, где в качестве персонажей выступали офицеры, возившиеся со своим обмундированием. Благодаря связям, приобретенным Зичи в 1848-1849 гг., две такие зарисовки были показаны при дворе (в том числе и самому императору) и весьма понравились членам царской фамилии, художник был близок к тому, чтобы вновь завоевать расположение царственных особ и уж во всяком случае перед ним открылись новые возможности.

Между тем, в качестве свободного художника Зичи в 1850–1853 гг. завел знакомство с людьми из творческой среды. Он интересовался современным русским искусством, ходил на выставки. В его работах, относящихся к этому периоду, прослеживаются следы влияния таких разных по своей творческой манере художников как Карл Брюллов и Павел Федотов.

Зичи не только прекрасно овладевает к этому времени русским языком, но и читает русскую литературу. Особенно он увлекается Лермонтовым. Можно предположить, что именно благодаря знакомству с творчеством Лермонтова Зичи уже в начале 1850-х годов заинтересовался Кавказом – этот интерес он пронес через всю свою последующую жизнь. В последние годы николаевского царствования у иностранного подданного не было шансов получить разрешение поехать на Кавказ. Но это отнюдь не удержало Зичи от воплощения своего творческого замысла. В 1852 г. он выполняет серию литографий с видами Кавказа, на следующий год она была издана и снискала немалый успех. Другой важной работой, оставившей еще больший след в истории русского искусства, явилась серия иллюстраций к «Слову о полку Игореве» в переложении Н.В. Гербеля (подарочное издание 1854 г.).

Оригиналы 4 иллюстраций из этой серии утрачены. В следующем, 1855 г. с цветными иллюстрациями Зичи, выполненными в технике литографии, вышло лубочное издание с рассказами для детей. На 6 иллюстрациях изображены сцены Крымской войны.

Первый придворный заказ после 4-летнего перерыва художник получил в октябре 1853 г. Его вызвали в Гатчину для выполнения ряда акварельных работ с групповым изображением членов императорского дома.

Начиная с этого времени заказы становятся постоянными, за считанные месяцы он исполнил более 20 работ. Конечно, память о военной кампании 1849 г., подавлении при участии русской армии венгерской революции была жива в сознании Зичи, однако художник был не в том положении, чтобы отказываться от выгодных императорских заказов.

После смерти в 1855 г. Николая I и прихода к власти его сына Александра II положение Зичи в принципе не изменилось, он продолжал получать заказы императорского дома. Самым важным заданием было участие наряду с другими художниками (как русскими, так и иностранными) в оформлении художественного альбома, запечатлевшего коронационные торжества. За этим поручением следуют другие. Новому монарху пришелся по душе стиль художника, сочетавший величественность изображения с интересом к выразительным, подчас комическим и юмористическим деталям. В событиях, которые Зичи хотел запечатлеть, он выхватывал для изображения наиболее яркие эпизоды, мастерски выписывая по памяти запоминающиеся детали. Виртуозное владение художника техникой рисунка, акварели, гуаши получает признание не только при дворе, но в петербургском высшем обществе, помогает ему сделать хорошую творческую карьеру. С 1856 г. он закрепился на позициях придворного художника, а с 1859 г. в качестве «художника Его Императорского Величества» получал постоянное и немалое жалование и право на высокую пенсию после ухода с государственной службы. В 1858 г. Зичи избирают в Академию художеств (президентом Академии был, как правило, представитель императорского дома, в данном случае великая княгиня Мария Николаевна). Мастерская художника была оборудована в одном из императорских владений – здании Нового Эрмитажа, ныне входящем в комплекс зданий Государственного Эрмитажа. Зичи был удостоен высоких государственных наград – в 1859 г. получил орден Святого Станислава III степени, а в 1863 г. – II степени.

Придворная служба была делом почетным и доходным, но чрезвычайно обременительным. Приходилось сопровождать царя и членов императорской фамилии в различных поездках, постоянно присутствовать на царских охотах, фиксировать в зарисовках все дворцовые праздники и придворные церемонии. К этому периоду творчества Зичи относится более тысячи рисунков и акварелей, на которых были запечатлены совершенно разные события, как будничные, так и официальные – балы и маскарады, торжественные официальные обеды и праздничные ужины, военные парады, дипломатические приемы, театральные представления и концерты. В обязанности художника входила своего рода хроника событий – фиксация ритуалов и церемоний, связанных с повседневной жизнью всего немалочисленного клана Романовых. Рождения новых великих князей, их крестины, обручения, свадьбы, отпевания, похороны – весь круговорот семейной жизни правящей фамилии запечатлевался в рисунках и акварелях. Но придворная жизнь была достаточно многоликой, она могла представлять взору художника и своими веселыми, неформальными сторонами, что находило отражение в юмористических зарисовках различного рода игр и развлечений. Работы Зичи, выполненные при дворе, отнюдь не сводились к произведениям искусства графики. Так, по высочайшему заказу он художественно оформлял вееры для членов царской фамилии. Одна из самых значительных работ Зичи – относящийся к 1860 г. альбом из 52 миниатюр с изображением сцен царской охоты, стилизованных под игральные карты. Планы издания этого альбома в

виде книги так и не были реализованы. Оригинал хранится в фондах Государственного Эрмитажа, как и большинство других произведений, выполненных Зичи по заказу царского двора¹.

Хотя придворная служба оставляла мало свободного времени, Зичи не пренебрегал общением с коллегами-художниками. С ноября 1857 г. складывается сообщество художников, собиравшихся, как правило, по пятницам поочередно на одной из квартир для обмена мнениями по актуальным проблемам современного искусства. Приходили И.К. Айвазовский, представители знаменитого художественного семейства Клодтов, П.П. Соколов, В.Ф. Тимм, итальянец А. Лавеццари, работавший в России, и другие. В процессе общения делались зарисовки. Некоторые из них выставлялись потом на витринах художественного магазина Бегрова и продавались, выручка шла на поддержку нуждавшихся художников. Общение Зичи не ограничивалось только этим кругом, он имел и другие знакомства в художественной среде и в 1857-1858 гг. выполнил серию сатирических и юмористических портретных зарисовок (по сути дела карикатур), получившую хождение в кругу художников и ценителей искусства и вызвавшую немалый отклик. В 1860-е годы все большее место занимали в его творчестве иллюстрации. Он приступает к работе над иллюстрациями к поэме М.Ю. Лермонтова «Демон». Ее образы настолько притягивали художника, что он то и дело обращался к ним и позже, в частности в 1880-е – 1890-е годы.

В 1858 г. состоялась знаменательная встреча, в определенной мере повлиявшая на дальнейшую судьбу художника и сделавшая его творчество более известным как в России, так и за рубежом, в том числе на родине. В Россию приехал известный французский писатель, критик и искусствовед Теофиль Готье (1811–1872), один из законодателей художественных вкусов эпохи. Его поездка широко освещалась в прессе, сам Готье отразил свои впечатления в очерках, публиковавшихся не только во Франции, в журнале «L'Artiste», но и в России. Позже, в 1867 г., в Париже выходит его книга «Путешествие в Россию», нашедшая большой отклик в Петербурге. В одну из пятниц Готье посетил собрание кружка художников, к которому относился Зичи, а потом побывал и в его мастерской. В своих очерках Готье восторженно оценил работы Зичи, а в книге посвятил ему целую главу и мнение знаменитого француза повлияло на восприятие его творчества и в Венгрии.

Между тем, в 1866 г., вследствие покушения Д. Каракозова на царя правительство ужесточает внутреннюю политику. К тому же польское восстание усилило подозрения в отношении католиков. Зичи всерьез опасался административных преследований за незаконный брак с православной женщиной и от греха подальше выехал с семьей в Венгрию, в свое родовое имение Зала. Жена с 4 детьми поселилась там, сам же Зичи через несколько месяцев вернулся в Петербург, где его ждали новые заказы. Венгрию в последующие годы он посещал время от времени наездами.

В 1869 г. при поддержке самой императрицы Марии Александровны Зичи организовал свою первую персональную выставку в Петербурге, был отпечатан каталог. Всего была представлена 91 работа, причем посетитель мог познакомиться с разными этапами более чем 20-летнего к этому времени творческого пути художника. Отклик художественного сообщества на персональную выставку был неоднозначным. Критика отмечала высокое техническое мастерство художника и вместе с тем обращала внимание на то, что его творческие установки были достаточно далеки от идеалов передвижников и – шире – тех течений в искусстве, которые ставили во главу угла изображение повседневной народной жизни. Для Зичи, между тем, становилось очевидным, что служба в качестве придворного художника оставляет мало времени и сил для воплощения некоторых заветных замыслов. Ему наскучил и придворный мир с его строгим регламентом и этикетом, художника тянуло к более свободным формам творческой жизни.

В 1871 г. Зичи, воспользовавшись приглашением британского престолонаследника, получил творческий отпуск и совершил поездку по Европе. Непосредственное ознакомление с новейшими явлениями искусства, как и знакомство с более либеральной творческой атмосферой усилили в художнике желание изменить образ жизни. В 1873 г. он просил разрешения выйти на пенсию, и его совершенно не удивляли, тем более что в придворных кругах довольно косо смотрели на его широкие и разнообразные связи в художественной среде, создание произведений, не имевших никакого отношения к высочайшим заказам (в одной из дневниковых записей Зичи откровенно заметил, что впал в немилость). С 1 января 1874 г. художник оказывается в отставке, по сути без обещанной когда-то пенсии, а летом того же года покидает Россию. Его отъезд привлек внимание общественного мнения, нашел отклик в петербургской прессе (было не ясно, покидает ли он Россию навсегда или нет). Причем доминировали довольно теплые отзывы о сделанном им за годы пребывания в России. Сам 47-летний Зичи был всерьез настроен на то, чтобы начать творческую жизнь заново, теперь уже в роли свободного художника. Он считал в то время маловероятным, что ему доведется вернуться в Россию.

Проведя летние месяцы в Венгрии с семьей, художник затем переселился в Париж, надеясь на то, что там еще помнят хвалебные отзывы на его работы Теофиля Готье, а бурная художественная жизнь придаст его творчеству новые импульсы. В июле 1875 г. к нему присоединилась молодая подруга и ученица Мария Этлингер (1857 – 1934), дочь одного из придворных врачей, на протяжении последующих 8 лет, вплоть до своего замужества, неизменная его спутница в поездках по Европе.

В Париже Зичи провел 7 лет. Интересно, что и в работах, относящихся к этому времени, прослеживаются русские мотивы. Так, на одном из больших живописных полотен, написанных в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., запечатлен образ царя Александра II,

¹ Описание этого альбома см.: Princeva G.A. II. Sándor vadászjelenetes kártyái // Zichy Mihály, a "rajzoló fejedelem". Budapest (далее – Вр.), 2007.

призывающего войска к выступлению¹. В силу некоторых политических причин (страх Европы перед российской экспансией на Балканах), а также из-за присутствия в ней антицерковных мотивов появление этой картины сопровождало скандалы, после которых художник счел бесперспективной парижскую карьеру. Он покидает Париж, живет в Ницце, затем приезжает в Венгрию и проводит ряд месяцев как в Будапеште, так и в своем имении Зала с семьей. Творческого удовлетворения он не испытывает и все больше подумывает о возобновлении работы в России.

Кавказ, 1881–1882

Как уже говорилось, под влиянием увлечения Лермонтовым Зичи еще в 1850-е годы проявлял интерес к Кавказу, запечатлел его виды в целой серии литографий, хотя на Кавказе ему тогда не довелось побывать. Интерес к Кавказу и желание увидеть его своими глазами усилились после неожиданного знакомства с дворянами грузинского происхождения. С этим совпало еще одно событие: старый приятель Зичи петербургский издатель и редактор популярного журнала «Нива» А.Ф. Маркс отыскал в Париже художника и завел с ним разговор об иллюстрациях к готовящемуся тому сочинений Лермонтова. Более того, он обещал организовать Михаилу Александровичу поездку на Кавказ, что было давней мечтой художника. В сентябре 1881 г. вместе с ученицей Марией Этлингер художник прибыл в Тифлис. Очарованные природой Кавказа, они проводят многие часы за мольбертом с карандашом и кистью, создавая все новые и новые панорамы гор. Завязав знакомство с представителями грузинской культурной элиты, Зичи заинтересовался предложением создать иллюстрации к шедевру грузинской средневековой литературы – эпической поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Эта работа была выполнена, главным образом несколько позже, в 1885–1887 гг. 26 прекрасных иллюстраций Зичи украсили подарочное издание поэмы на грузинском языке, вышедшее в свет в 1887 г. и ставшее событием громадного значения для развития грузинской национальной культуры нового времени. Венгерский художник Зичи сумел довольно глубоко постичь образную ткань средневековой поэмы, хотя и написанной на чуждом ему языке. Не удивительно, что на его иллюстрациях было воспитано в патриотическом духе не одно поколение грузинской интеллигенции². Благодарную память о Зичи хранят в Грузии до сих пор. Его именем названа улица в Тбилиси, а в 1987 г., еще в советское время, был поставлен памятник художнику работы венгерского скульптора Шандора Киша. Он украшает живописный парк, выходящий на главную магистраль города – проспект Руставели³.

Именно поездка в Грузию пробудила в Зичи интерес к этнографии, он становится страстным коллекционером предметов народного прикладного искусства, в его богатой коллекции имелись среди прочего образцы народной одежды и старинное оружие. Поддерживая связи со своими соотечественниками, Зичи сделал ряд зарисовок костюмов из своей коллекции для известного в то время в Венгрии художника Берталана Секея, мастера костюмированных исторических сцен. Они были использованы в 1896 г., когда в Венгрии с большим размахом отмечалось тысячелетие «обретения родины» (прихода венгерских племен в Среднее Подунавье), прежде всего при создании одежды, стилизованной под древнюю венгерскую, которая была востребована во время торжественного костюмированного театрального представления об истории прихода венгров на их новую историческую родину.

Хотя то самое издание Лермонтова, для которого Зичи готовил иллюстрации к «Демону», не состоялось, эти работы были опубликованы в приложении к журналу «Нива» и в декабре 1883 г. переданы в основанный при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге Лермонтовский музей; в советское время, после упразднения училища они были переданы в музей Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (ныне РАН). Рисунки, выполненные в Грузии, позже, в 1900 г., вышли отдельным изданием в виде фотоальбома – в работе над реализацией этого замысла художнику помогала ученица, Анна Гусева. Уже в последние месяцы своего пребывания в Грузии, осенью 1882 г., Зичи возобновил связи с представителями императорского дома, согласившись выполнить два заказа (серию картин с изображением охоты и альбом с гравюрами, на которых запечатлен военный праздник).

Второй петербургский период (1883–1906)

С согласия нового императора, Александра III, в 1883 г. М.А. Зичи получил предложение вернуться на государственную службу в прежнем качестве придворного художника. 56-летний мастер принял это предложение, гарантировавшее ему стабильное существование на склоне лет. Ему пришлось вернуться в Петербург и вновь заняться привычным делом – художественной хроникой бесконечной череды событий придворной жизни. Впрочем, самое первое поручение было особенно ответственным – подготовка альбома, посвященного коронации Александра III. 27 мая 1883 г. художник присутствовал в Москве на коронационных торжествах и сделал многочисленные зарисовки. Впрочем, эта работа так и не была реализована в задуманном объеме.

¹ Картина, о которой идет речь, находится в экспозиции Венгерской Национальной галереи.

² На грузинском языке существует литература о Зичи. Надо выделить книги Гордезиани (Зичи в Грузии. Тбилиси, 1966), Г. Сараме (Михай Зичи и грузинская культура. Тбилиси, 1978).

³ Иллюстрации Зичи к «Витязю в тигровой шкуре» были выставлены и в Будапеште в 1888 г. Первое издание поэмы в венгерском переводе (1917, переводчик Б. Викар) также сопровождалось иллюстрациями Зичи.

В этот период Зичи жил довольно замкнуто, много работал над выполнением придворных заказов. При этом у него сохранялась привычка жить на широкую ногу и несмотря на высокое жалование денег по-прежнему не хватало, приходилось бороться с долгами (тем более, что он продолжал материально заботиться об оставшихся в Венгрии жене, детях и внуках). Последние двадцать три года его жизни, проведенные главным образом в Петербурге, реконструировать довольно трудно. В самом деле, пресса довольно мало сообщала о его судьбе, отклик публики на его работы также был не слишком велик, к тому же в своей переписке Зичи не часто упоминал о конкретных заказах, которые выполнял при дворе. Санкт-Петербург он покидал чаще всего в составе свиты, совершая путешествия и выезды вместе с членами царской фамилии. Отдыхать в летние месяцы он предпочитал в дачной местности Лахта в 30 км к северо-западу от Петербурга на берегу Финского залива. Однако мы знаем очень мало работ, о которых можно твердо сказать, что они были созданы на загородной даче. Плохо перенося суровые русские зимы, Зичи несколько раз, чтобы поправить здоровье, выезжал в Ниццу. В родную Венгрию он в последний раз приехал в 1887 г., но позже неоднократно встречался с детьми в Вене. Жена вплоть до своей кончины жила с детьми в Венгрии. В роли же постоянной спутницы жизни Марию Этлингер (в замужестве княгиню Эристову) сменила другая молодая ученица, Анна Гусева, которая вела домашнее хозяйство.

В художественных пристрастиях и творческом методе Зичи произошли определенные изменения. Прежде всего, после парижской неудачи он утратил интерес к созданию крупномасштабных, аллегорических полотен и вообще не собирался больше бросать вызовы общественному вкусу, не рассчитывая на международное признание. Он вообще теперь почти не обращался к живописи, занимаясь только графикой, и все реже брался за работы, выходящие за рамки его обязанностей придворного художника (исключение составляли прежде всего книжные иллюстрации). В то же время после посещения Грузии продолжал устойчиво сохраняться его интерес к пейзажу. К числу увлечений прибавился театр. Хотя на поприще театрального художника Зичи не успел себя проявить, но зато с высочайшего разрешения подготовил ряд альбомов с зарисовками театральных представлений, состоявшихся при дворе. По итогам путешествий с членами царской семьи рождались панорамные пейзажи и бытовые зарисовки. Что касается искусства книжной иллюстрации, то оно занимало все большее место в его творчестве и обращался он к нему, как правило, по собственному внутреннему побуждению. Причем это была как раз та нить, которая связывала Зичи с его родной национальной культурой. По заказам, полученным с родины, им были выполнены иллюстрации к изданиям произведений классиков венгерской литературы – Шандора Петёфи, Яноша Араня, Имре Мадача¹.

Особое место в творчестве Зичи занимают эротические рисунки. В этом жанре художник дебютировал довольно рано. Из его дневника, в частности, узнаем, что уже в 1856 г. он активно выполнял частные заказы в этой области и один из его рисунков купил даже сам принц Уэльский. Особенно много Зичи занимался изображением эротических сцен в 1880-е годы. В своих рисунках, нередко стилизованных под образы французского рококо XVIII в., художник запечатлел различные фазы сексуального действия, уделяя большое внимание именно физиологической стороне. Бесстрастная, отстраненная (как в пособии по сексу) манера письма лишь в некоторых случаях становилась более эмоциональной, а иногда приобретала сатирическое звучание: художник, долго враждавший при дворе, хорошо знал нравы этой среды, что определенным образом преломилось и в его творчестве. Работая над эротическими, а иногда откровенно порнографическими рисунками, Зичи удовлетворял немалый спрос на такую продукцию в придворных кругах. Император Александр II смотрел на все это совершенно сквозь пальцы. Правда, его сын Александр III, будучи подчеркнутым блюстителем пуританской морали, такие вещи не одобрял, но и мер никаких по сути не принимал. А при Николае II царили вольные нравы и, более того, расцветает мода на порнографию, так что эротические рисунки Зичи пришлись в полном смысле этого слова ко двору. Альбом с эротическими рисунками Зичи впервые был издан еще в 1885 г. (*Etudes de femmes*), в 1895 г. выходит более полное собрание из 58 зарисовок (*Breviarium eroticum*), оригиналы многих из которых утрачены. Всего же Зичи создал не менее 160 эротических рисунков, в год его смерти (1906) большой альбом выпустило немецкое издательство, за ним последовало другое, посмертное издание, 1911 года (*Liebe*), тогда же вышло издание с текстом на французском языке (*Les plaisirs de l'amour*). Наиболее полное издание эротического наследия художника – венгерское издание 1989 г.²

В 1894 г. художник отмечал в Петербурге 50-летний юбилей своего творческого пути – он вел отчет своей профессиональной деятельности с 1844 г., когда начал брать уроки у Вальдмюллера в Вене. Поздравления пришли в этот день из разных уголков Российской империи. В тот же год скончался Александр III, с приходом к власти Николая II положение Зичи в роли придворного художника не

¹ В 1885 г., по некоторым сведениям, Зичи попросил при дворе двухмесячный отпуск для работы над иллюстрациями к «Трагедии человека» Имре Мадача. Крупноформатное венгерское издание 1887 г. с его иллюстрациями имело огромный успех, выдержало 5 переизданий, причем к новым изданиям Зичи подготовил дополнительные иллюстрации. К этой серии иллюстраций проявила интерес императрица Мария Федоровна, которой художник подарил немецкоязычное издание «Трагедии человека». См. Андор Ч. История создания «Трагедии человека» // Мадач Имре. Трагедия человека / Издание подготовил Ю.П. Гусев (Серия: Литературные памятники). М., 2011. С. 389–390 (Прим. переводчика).

² См.: Zichy Mihály. Erato. Bp., 1989.

изменилось. 26 мая 1896 г. при церемонии коронации Николая II в Москве Зичи был свидетелем ходынской трагедии, унесшей жизни более 1300 человек¹.

В 1897 г. Зичи отмечал свое 70-летие и 50-летие придворной службы при русском дворе (отсчет велся с того момента, когда он стал давать уроки рисования великой княжне Екатерине Михайловне, до юбилейной даты не дожившей всего три года). В это время он пробует свои силы (если не считать, конечно, прежних писем и дневников) в новом качестве – как литератор, причем на родном венгерском языке. Зичи обращается к описанию царских охот, сопровождая текст своими рисунками. Издание этой книги предполагалось организовать в Венгрии при помощи сына Миклоша (Николая), который, живя с детства в Венгрии, овладел венгерским языком настолько, что в конце 1890-х годов уже выступал в роли литературного редактора своего обрусевшего отца, потомственного венгерского дворянина. Но в 1900 г., когда Зичи находился в Крыму с императором и его окружением, пришла горестная весть о безвременной кончине сына, с которым художник не переставал общаться и активно переписывался, по сути именно через Миклоша осуществлялась связь Михая с родной страной и ее культурой (другим таким человеком был зять, Тивадар Феледи, но он умер еще раньше, в 1896 г.). Утрата сына была одной из самых горестных потерь в жизни Михаила Александровича. К тому же с уходом Миклоша оборвался по мужской линии дворянский род Зичи (по крайней мере та его ветвь, к которой принадлежал художник). После кончины сына Зичи завещал всю свою петербургскую собственность своей подруге Анне Гусевой.

М.А. Зичи скончался в Петербурге 15 февраля (по новому стилю 1 марта) 1906 г. в возрасте 79 лет. Уважительные некрологи были опубликованы как в российских, так и в венгерских газетах. Отпевание прошло в петербургском католическом костеле 4 марта. Вначале была идея захоронить художника на загородном кладбище в Лахте, любимом месте отдыха. Но венгерское правительство обратилось с предложением о захоронении Зичи на родине. Гроб с телом художника был доставлен в Будапешт, выставлен на церемонии прощания 19 марта в главном выставочном зале города (построенном к торжествам «обретения родины» Мючарноке) на площади Героев. Далее катафалк проследовал на Керепешское кладбище, где и состоялось погребение. Процессия была многочисленной, придворного художника Романовых знали и на родине, ценили его творчество. На могилу было возложено большое количество венков, среди которых выделялся грандиозностью венок от царской семьи². Надгробный памятник по заказу дочерей и внуков изготовил один из крупнейших венгерских скульпторов, Алайош Штробль. Он был установлен в 1916 г., за полгода до падения династии Романовых, которой 6 десятилетий верно служил художник, занимаясь своим профессиональным делом. При установлении памятника об этом старались не вспоминать: Россия и Австро-Венгрия сражались друг против друга на полях второй мировой войны. А до войны, в 1907 г., в Петербурге состоялась выставка, приуроченная к 80-летию со дня рождения Зичи. На ней были выставлены работы, находившиеся в частных собраниях.

Столетие Зичи отмечалось в эпоху Хорти, в 1927 г. Вышла большая монография искусствоведа Яноша Бенде «Жизнь и искусство Михая Зичи», основанная на добросовестном изучении его жизненного и творческого пути³. Положение Зичи при царском дворе сравнивалось в ней с положением жаждущего свободы орла в золотой клетке. Автор неплохо передал душевные терзания художника, временами тяготившего своим статусом. Надо к тому же принять во внимание, что и клетка была не из чистого золота, учитывая нравы, царившие при дворе: зависть и мстительность сопровождали Зичи на протяжении многих лет его пребывания в должности придворного рисовальщика. Но оказавшись в Париже в ином амплуа – свободного художника, Зичи так и не смог в полной мере себя реализовать, во всяком случае его творчество получило не тот резонанс, на который рассчитывал художник. В конце концов он предпочел в 1883 г. вернуться в «золотую клетку», которую когда-то покинул. Живя до последних своих дней в комфорте и довольстве, он в то же время испытывал определенное угнетение от той системы, при которой деятельность художника почти всецело предопределялась заказами свыше и зависела от прихотей августейших особ. Отношения Зичи с царским двором до конца оставались амбивалентными – проявляя уважение к работодателю, честно работая на него и рассчитывая на его благосклонность, он в то же время внутренне не изменил своим юношеским идеалам. Из его иллюстраций к произведениям Лермонтова и Петёфи, выполненных в бытность Зичи придворным художником, предстает свободолюбивая натура, чей духовный настрой мало совместим с абсолютистским произволом царской власти.

М.А. Зичи и русская литература

Уже говорилось о сильном увлечении молодого Зичи творчеством Лермонтова и особенно поэмой «Демон», которую он иллюстрировал. Можно предполагать, что он познакомился с ней еще до ее первого издания (1856), в рукописи, благодаря своему другу князю Г.Г. Гагарину. Есть основания также считать, что он был знаком с лермонтовскими рисунками, выполненными на Кавказе – ошутима перекличка мотивов двух рисовальщиков. Вообще образ летящего «Демона», появившись в рисунках Зичи в 1850-е годы,

¹ В коронационных торжествах участвовал и соотечественник Зичи знаменитый дирижер А. Никиши, дирижировавший берлинским симфоническим оркестром (Прим. переводчика).

² Подробный фоторепортаж о церемонии похорон Зичи опубликовала будапештская воскресная газета «Ваишарнапи уйшаг» в своем номере от 25 марта 1906 г.

³ Bende János. Zichy Mihály élete és művészete. Bp., 1927. Через год под таким же названием вышла книга Б. Лазара: Lázár B. Zichy Mihály élete és művészete. Bp., 1928.

сопровождая потом художника всю творческую жизнь, эту же фигуру можно видеть в разных произведениях¹. Зичи выполнял также иллюстрации к «Герою нашего времени» (образы княжны Мэри и др.).

Другим примером удачного сочетания заказа и подлинного творческого вдохновения художника можно считать работу Зичи над иллюстрациями к «Слову о полку Игореве», с которым он познакомился в 1853 г. и образами которого не уставал восторгаться². Особенно плотно художник занялся изучением русской литературы в 1860-е годы, что было связано с его деятельностью в области книжной иллюстрации. Именно на этот период приходятся его наиболее значительные иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина – прежде всего к «Бахчисарайскому фонтану»³, а также «Евгению Онегину». К образам Пушкина он обращался и позже, наиболее поздние его иллюстрации к его стихотворениям относятся к рубежу XIX–XX вв.

В 1873 г. наряду с другими художниками Зичи принял участие в большом проекте издателя А.Н. Якоби – издании цветной иллюстрированной антологии русской литературы, адресованной детям. Он подготовил к этому изданию три иллюстрации к стихотворению поэта Я.П. Полонского «Мишенька». В 1880-е годы на первый план в деятельности Зичи как иллюстратора вышли шедевры венгерской литературы. Но он остался в то же время верен и русской литературе – можно назвать в качестве примера иллюстрации 1880 г. к «Тарасу Бульбе» Н.В. Гоголя.

Незадолго до кончины, в 1903 г., Зичи лично познакомился с русским писателем новой генерации – Максимом Горьким. В восприятии Горького венгерскую литературу представляла прежде всего знаменитая философская драма Имре Мадача «Трагедия человека». О ее содержании он вначале получил представление по рецензиям в русских журналах⁴. В русском переводе (довольно несовершенном) он ознакомился с ней несколько позже⁵. Как бы то ни было, интерес к этой поэме Горький сохранил до конца жизни, по отзывам современников он нередко заводил о ней разговор⁶. В 1903 г. Горький хотел посодействовать изданию поэмы в русском переводе и предложил маститому художнику выступить в качестве иллюстратора. Зичи, конечно, дал согласие, тем более что к этому времени с его прекрасными иллюстрациями вышло и было затем переиздано венгерское издание «Трагедии человека». Однако план этот был реализован в менее дорогостоящем варианте, без иллюстраций Зичи.

Связь Зичи с Венгрией

Зичи родился и вырос в семье с глубокими патриотическими традициями, и в юности, в годы общественного подъема в канун революции 1848 г., был убежденным приверженцем идей прогресса и далеко идущих реформ, с которыми выступали Л. Кошут и его сторонники. Как художник, способный принести славу венгерскому национальному искусству, в 20 лет он подавал большие надежды. Не случайно его учитель Вальдмюллер в октябре 1847 г. уделил ему много внимания в своем послании к депутатам венгерского Госсобрания, где речь шла о необходимости поддержки талантливых молодых художников, в противном случае они будут потеряны для родины. Этот голос не был тогда услышан. Как бы то ни было, обстоятельства сложились так, что Зичи оказался надолго в Петербурге. На родине почти ничего не знали о нем до тех пор, пока он не стал известным художником. К тому же в общественном мнении после военной кампании 1849 г. существовали предубеждения – не удивительно, ведь Зичи находился на службе у той державы, которая помогла Габсбургам подавить венгерскую революцию. Первое официальное приглашение посетить родину Зичи получил только в 1876 г., через два года после ухода с царской службы. Но и в дальнейшем он не удостоился каких-либо заманчивых предложений, которые предопределили бы его возвращение на родину. Важно, однако, заметить, что Зичи до самого конца сохранял гражданство своей родной страны⁷, хотя это было сопряжено для него с определенными неудобствами, и более того,

¹ См. исследование на эту тему К. Геллер в сборнике: *Zichy Mihály, a "rajzoló fejedelem". Vp., 2007. См. ее же: Geller K. Zichy Mihály, 1827–1906. Vp., 1990.*

² Кстати, первая публикация «Слова о полку Игореве» в Венгрии на венгерском языке относится к этому же времени (1858 г.) (Прим. переводчика).

³ Эта серия акварелей находится в отделе графики Третьяковской галереи.

⁴ В 1893 г. статья о «Трагедии человека» Мадача была опубликована в журнале «Русское обозрение» (Прим. переводчика).

⁵ В 1904–1905 гг. вышли сразу три перевода «Трагедии человека» на русском языке – стихотворные Н. Холодковского и В. Мазуркевича, а также прозаический перевод З. Крашенинниковой, заказанный М. Горьким и опубликованный по его инициативе в издательстве «Знание», очевидно, без иллюстраций. См. подробнее: Гусев Ю.П. Имре Мадач и его «Трагедия человека» // Мадач Имре. Трагедия человека (Серия: Литературные памятники). М., 2011 (Прим. переводчика).

⁶ М. Горький упоминает «Трагедию человека» устами одного из героев эпопеи «Жизни Клима Самгина». Тогда же, в 1920-е годы, он говорил об этом произведении во время беседы на Капри с видным венгерским писателем Д. Костолани. В 1935 г. Горький предложил включить «Трагедию человека» в план издания памятников мировой литературы издательства «Академия». О возможности постановки «Трагедии человека» в советских театрах говорил в свою очередь А.В. Луначарский. Из литературы см.: *Waldapfel J. Gorkij és Madách // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. II. k. Vp., 1961* (Прим. переводчика).

⁷ Речь идет сначала о гражданстве Австрийской империи, а после ее преобразования в 1867 г. в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию о венгерском гражданстве, поскольку в каждой из двух половин дуединной монархии подданные имели австрийское либо венгерское гражданство (Прим. переводчика).

давало повод для насмешек в петербургском высшем свете. Как отмечалось, он не перешел и в православие, что делало по сути незаконным и его брак и рожденных в этом браке 4 детей. Интересно, что на петербургских приемах (и даже дипломатических) с личного разрешения Александра III он бывал в венгерском парадном костюме. В последние десятилетия жизни Зичи получал все больше заказов с родины и несмотря на свою занятость в качестве придворного художника работал над ними предельно добросовестно, внося огромный вклад в венгерское искусство книжной иллюстрации. Зичи вел активную переписку с венгерскими деятелями культуры, особенно художниками и писателями.

В своих письмах Зичи не скрывал горечи в связи с тем, что почти весь его творческий путь протекал на чужбине. Приходится иногда сожалеть, откровенно заметил он в одном письме, что мне пришлось пожертвовать собой «ради хотя и искренне любимой, но все же чужой для меня нации»¹. В последние годы жизни он особенно сильно чувствовал тоску по родине и одиночество. Большая часть обширного творческого наследия Зичи (и в том числе работы, выполненные по высочайшему заказу) находится в российских собраниях – в Государственном Эрмитаже, Русском Музее, Третьяковской галерее, а также в литературных музеях². Многое – в запасниках и выставляется для широкой публики лишь во время временных выставок. Но некоторые значительные работы художника имеются и в Венгерской национальной галерее. Первая большая выставка работ художника, хранившихся в СССР, прошла в Венгрии в 1952 г., к 125-летию Михая Зичи³. За этой выставкой последовали другие, в том числе недавняя – 2007–2008 г., плод сотрудничества Эрмитажа и Венгерской Национальной галереи⁴.

Перевод с венгерского языка А.С. Стыкалина

Rita Kishshne Budai. «Художник Його Императорської Величності». Михай (Михайло Олександрович) Зічі (1827 - 1906). Доля угорського художника в Росії

Статтю присвячено російському періоду у житті та творчості угорського художника Михая Зічі. Автор з'ясовує причини перебування митця на території Російської імперії, що тривало понад п'ятдесят років. Оглянуто процес формування та становлення Зічі як майстра. Проаналізовано його діяльність як придворного художника. Визначено зв'язки М.Зічі з російською та грузинською культурами.

Ключові слова: мистецтво, Російська імперія, Угорщина, Михай Зічі, придворний художник.

Rita Kishshne Budai. "Artist of His Imperial Majesty". Mihály (Michael A.) Zichy (1827–1906). Fate of the Hungarian artist in Russia.

The article is devoted to the Russian period in life of Hungarian artist Mihály Zichy. Author ascertains the artist's staying in the Russian Empire, which lasted more than fifty years. Formation of Zichy as master is examined. His work as a court artist is analyzed. M.Zichy ties with Russian and Georgian culture are defined.

Keywords: art, Russian Empire, Hungary, Mihály Zichy, court painter.

УДК 94:32.019.5(497.12)

К. В. Мальшина

НАЦІОНАЛЬНЕ ДЕРЖАВОТВОРЕННЯ У ПОГЛЯДАХ ТА ПОЛІТИЧНІЙ ДІЯЛЬНОСТІ СЛОВЕНСЬКОГО КЛЕРИКАЛІЗМУ (1918–1929 рр.)

У статті розглянуто витоки словенської державотворчої ідеї, проаналізовано партійну палітру словенської політики у 1918-1929 рр., охарактеризовані клерикальний, ліберальний та соціалістичний політичні табори та їхній розподіл на напрями югославізму та словенства, впорядковані їхні програмні державотворчі погляди у боротьбі за політичну реформу в Королівстві СХС, розглянуто фактори розвитку політичного католицизму в Словенії, розроблено періодизацію його державотворчої діяльності.

Ключові слова: Держава СХС, Королівство СХС, Словенія, політичний католицизм, державотворчі намагання.

До 1918 р. велика частина словенських етнічних земель входила до складу Австро-Угорської імперії, її етнічні землі були розділені між Австрією, Королівством Угорщиною та Королівством Італія.

Перший словенський політичний протест проти існуючого державно-адміністративного устрою піднявся під час революції 1848 р., коли одне з перших громадських об'єднань, ліберальне Віденське товариство «Словенія», висунуло чітко розроблену політичну програму. Так звана Програма Об'єднаної Словенії включала в себе 3 головних вимоги з приводу державного устрою Австрійської імперії: «1. Політично

¹ Письмо приводится в книге: Lázár B. Zichy Mihály élete és művészete. Вр., 1928. 128-129.о

² Из литературы о Зичи, вышедшей на русском языке, см.: Тихомиров А. Искусство Венгрии IX – XX веков. М., 1961; Алёшина Л.С. Михай Зичи. М., 1975.

³ Из работ, вышедших в эпоху социализма, заслуживает упоминания: Berkovits I. Zichy Mihály. Вр., 1964.

⁴ См. каталог: Zichy Mihály, a "rajzoló fejedelem". Вр., 2007.